

Александр Киров

**последний
из миннезингеров**

Александр Киров
Последний из
миннезингеров (сборник)
Серия «Самое время!»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=650965
Последний из миннезингеров: Время; Москва; 2011
ISBN 978-5-969-10966-7

Аннотация

Александр Киров – первый лауреат Всероссийской книжной премии «Чеховский дар» 2010 года. А «Последний из миннезингеров» – первая книга талантливого молодого писателя из Каргополя, изданная в Москве. Лев Аннинский, высоко оценивая самобытное, жесткое творчество Александра Кирова, замечает: «Он отлично знает, что происходит. Ощущение такое, что помимо того, чем наполнены его страницы, он знает еще что-то, о чем молчит. Не хочет говорить. И даже пробует... улыбаться. Еле заметная такая улыбка... Без всякого намека на насмешку. Неизменно вежливая. Неправдоподобная по степени самообладания. Немыслимо тихая в этой канонаде реальности. Загадочная. Интеллигентная. Чеховская».

Содержание

Лев Аннинский	4
ЛЮБОВЬ, СМЕРТЬ И ПАРА БОРДОВЫХ ШЕРСТЯНЫХ НОСКОВ	13
Троянос Деллас	13
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Киров

Последний из миннезингеров

Лев Аннинский

ДИАГНОЗЫ Д-РА КИРОВА

1) Пальцы ног при сильном обморожении обламываются, как плитка шоколада, а сердце или печень бомжа можно безо всяких усилий проткнуть пальцем.

2) Люди! Или не видите вы, как шатается этот дряхлый век, как странно и страшно началось это тысячелетие, какие страшные беды оно сулит нам! Нам – рабам до мозга своих иссохших костей...

3) Я вас разочарую. Вы проспали дольше, чем планировали. За это время ваша цивилизация погибла.

Александр Киров. Циник. Последний из миннезингеров

Эти диагнозы не вяжутся с такими пейзажами родной цивилизации, как Садовое кольцо Москвы или подмосковное Мелихово. Или солнечная Ялта. Или веселый Таганрог.

Пейзажи, в которых лучше представить себе творческую лабораторию доктора Кирова, описаны им не столько жи-

вописно-красочно (как это привычно для нашей читающей аудитории), сколько пуантилистски, то есть пунктирно-точечно, причем художественный эффект таится в безмерности расстояний между точками в этом пунктире. Безмерно большое оно или безмерно малое, и по-трезву не различишь.

Поезд ушел.

«– Вот тебе бабки – вот вокзал – через полчаса придет поезд. Через шесть часов будешь дома. Держи...»

Полчаса в рюмочной – это же мгновенье. Если есть бабки. Если нет – сшиби у корешей. Или у встречных. По-хорошему или с мордобоем – как выйдет. Шесть часов в вагоне? Шесть мгновений.

Князю Петру Вяземскому и не снилось такое. Когда-то он писал, что в России от мысли до мысли пять тысяч верст... Какие там версты! – теперь непонятно сколько и непонятно чего. Ни расстояния, ни время не имеют меры. Только и чувствуется – вечный недобор, недовес, недобой. Который надо чем-то забить, залить, завалить...

Все вроде бы ощутимо (тактильно, как скажут интеллигенты), но все – безмерно. Едет старик из своей деревни в город; подвезут – хорошо, не подвезут – ничего: потащит скарб на горбу. На вокзал к поезду – успеет, сесть в поезд – не успеет: помрет тихо и спокойно от разрыва сердца, но это настолько в порядке вещей, что не обсуждается – возможное обсуждение остается за рамками рассказа.

Безмерность, в которую укладывает расстояния Алек-

сандр Киров, надо дополнить фактурой земли, по которой движутся его герои. Иногда это лязгающая и грохочущая сталь рельсов. Иногда – просека в лесу. Иногда что-то промежуточное: ухабистая дорога. Или улица около пивной. Желательно – с хорошей лужей. Чтобы именно в такую лужу уронить мужика во время мордобоя. Чтобы кровянка лужу окрасила. И чтобы сигаретка, выбитая ударом вместе с зубами, зашипела в воде.

Мордобой – способ коммуникации. Студентов можно метелить «всей гопой». А можно попеременно со своими. – *«Хороший удар, крученьй: снизу вверх через живот в диафрагму и легкие. Профессионально, короче»*. Количество летальных исходов соответствует степени освоенности рукопашного боя. Никакой прицельной вражды. Просто взаимодействие. Способ общения. Любовь, переходящая в ненависть. Или наоборот. С бодуна не различишь.

Где же все это происходит?

В стандартных пятиэтажках «хрущобной» эпохи. Или в малоквартирных домиках обветшавшей послевоенной застройки. О чем говорят: *«Гулаговское жильё развитого социализма»*. О чем говорят: *«Опять провинция, бытовуха, заснеженный двор, спертый воздух комнат...»* О чем говорят: *«А ты что умеешь? – А я, мужики, выживать умею...»*

И вот над этой бытовой нежигулей колдовским образом рождается музыка. Вы ее не столько слышите, сколько предощущаете. Изредка она обнаруживает себя каким-нибудь пе-

вучим названием:

– Няндома...

Или колючим:

– Каргополь...

Что-то хвойное, финское, таинственное¹.

Наш недалёкий Север, однако, странным образом силится у Александра Кирова переозвучиться на дальний, да ещё иностранный лад. На что подальше. Что-то испанское. Или латиноамериканское. Или просто американское. *«Я Фунтик, а это Берроуз...»* – *«А я не Олег Иванович Алексеев, я – Троянос Деллас»*. Ладно ещё, когда третьегодницы-старшеклассницы, ожидая появления учителя, осваивают технологию многоступенчатого французского поцелуя – отдадим должное их телезрительской осведомленности. Или когда немецкая овчарка получает кличку «Гитлер», – я снимаю шляпу перед исторической памятью нынешних поколений. Но я не всегда знаю, как реагировать, если русские барахтаются в нерусском без видимой причины. *«Швейная машинка Гретхен Крюгер»*. *«Мейстерзингеры, жирные, продажные тщеславные, льстивые и тупые... быстро нашли себя в новом времени...»* Совсем другое дело – миннезингеры: *«Вот сквозь облака сверкнули на востоке пронзительные когти дня...»*

---

¹ Если вы в ожидании музыки извлечете из глубин памяти ударно-певучее: «Уржум», или хрупко-колкое: «Костриков», – не смущайтесь: не случайно паспортная фамилия становится у писателя литературным именем.

Когда владельцем местной лесопилки становится узкоглазый мордоворот по имени Мирза, меня посещает чисто музыкальное чувство, что неспроста когти просверкивают нашу хвойную глушь именно с востока. Так что в дела лесопилки есть смысл всмотреться повнимательнее. Ибо это – модель социального организма, от которого Александр Киров отсчитывает свои диагнозы.

Вкалывают на лесопилке – наши, деревенские. Из деревни, о которой можно сказать только то, что работы там никакой нет, а народ есть, и что наша деревня – самая пьющая в мире. Лесопилку надо охранять от врагов? Надо. Кто враги? Сами же работяги: воруют на пропой. Так что и охраняют они сами себя, подчиняясь то местной братве, то местной милиции, между которыми идут то братания, то бои. Стреляют, пыряют, бьют без предупреждения. Мертвых не оплакивают, не вспоминают и не очень отличают от живых. Был Мирза, и ладно. Сгинул – другие нарисуются.

Обрисованы еще двое, чуть подробнее. Потому что они – редкая порода! – «интеллигенты». Один – учитель, другой – инженер. У учителя учеников не осталось (кроме нескольких олигофренов), в пустом классе учить некого. У инженера последний трактор встал, движок сперли. Подавшись из интеллигентов в работяги, эти двое некоторое время обозначают точки ориентации в этом месиве людей и трупов. Потом тоже исчезают. Без следа.

Такой точечно-пунктирный стиль у Александра Кирова

несомненно имеет свой шарм. Автор хорошо знает, что за родичи у таланта. *«Хорошо писать – уметь вычеркивать».*

Невычеркнутое косится в небытие. Хотя и с разной степенью готовности. В этом смысле животные несколько более живучи, чем люди. Пес Умка (от слова «ум») – всеобщий баловень и «ласкуша» – обаянием своим может напомнить Каштанку. Если не придирайтесь к тому, что занятия у этих меньших наших братьев очень уж разные: наш нынешний стережет барахло от воров. Без успеха. Но усердно.

Воры явно превосходят сторожей умелостью. Только вот косноязычны. Впрочем, как и хозяева барахла. Косноязычие тех и других заряжено классической энергетикой. Хотя век назад цитировать было легче – по причине отсутствия нецензурных слов. Но семибулатовский закал не пропадает.

«Скажу без хвастовства, что я не из последних касательно образованности, добытой мозолями, а не богатством родителей, т. е. отца и матери или опекунов, которые часто губят детей своих посредством богатства, роскоши и шестиэтажных жилищ с невольниками и электрическими позвонками... Вот что мой грошовый ум открыл: собаки весной траву кушают подобно овцам и что кофей для полнокровных людей вреден, потому что производит в голове головокружение, а в глазах мутный вид и тому подобное прочее. Много я сделал открытий и кроме этого хотя и не имею аттестатов и свидетельств. Приезжайте ко мне дорогой соседусико, ей-богу. Откроем что-нибудь вме-

сте, литературой займемся и Вы меня поганенького вычислениям различным поучите...»

«...За Горького горько. Какой талант! Про город диавола желтого: мне понравилось. Это я даже читал... И про бомжей интересно. От бичуганы! У одного галюны у другого трясуны мокрушник да Лука этот (не будем уточнять каков). Я то знаю чего они там с Анной шептались. Одна правда мужик с бодуна вздернулся. Обычное дело...

Или про тюрьму. У меня дед вон отчима затюкал и я это видел. Ничего такого страшного. Сеструха испугалась а я молодцом. А дед тоже. Хряпнул и пошел рюкзак собирать. И вернулся через пять лет как из магазина пришел только охромел и руки дрожат. Могучий был человечиче. Это щас с дивана в гроб шагнуть не может...»

И прямых отсылов нет?

Есть. «Разочарование Ваньки Жукова».

И правда: Ванька Жуков отдыхает.

Однако не в этом дело. Не в прямых отсылах, которых у Кирова мало (особенно если сравнивать его с другими нынешними авторами, прямо подражающими классикам).

Дело в другом. Дело в интонации, с которой рассказывается о делах вроде бы ужасающих, но рассказывается будто бы невозмутимо. Как-то даже буднично. Как-то даже бесчувственно. Вскользь.

И у классиков гибель падала из-за кулис словно невзначай.

«Уведите отсюда куда-нибудь Ирину Николаевну. Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился...»

Или:

«На пустыре... актер удавился... Испортил песню, дурак!»

У Горького хоть дураком назвали.

Но так вот диагностировать исчезновение пульса у действительности, сохраняя невозмутимость, словно ничего страшно не происходит!

А Александр Киров?

Он отлично знает, *что* происходит. Ощущение такое, что помимо того, чем наполнены его страницы, он знает еще *что-то*, о чем молчит. Не хочет говорить. И даже пробует... улыбаться.

Чуть заметная такая улыбка. Успокоительная. Но не успокаивающая. Прячущая горечь. У Горького эта горечь аж в имени отдается. А тут и горечи вроде нет, и все происходит так, как сроду заведено, от века неизбежно, и паниковать бессмысленно. И держит тебя вот... что-то... да-да, улыбка. Еле заметная. Учтивая. Чуть шутливая. Без всякого намека на насмешку. Неизменно вежливая. Неправдоподобная по степени самообладания. Немыслимо тихая в этой канонаде реальности. Загадочная. Интеллигентная. Чеховская.

Потому и присудило жюри Пушкинской Библиотеки премию «Чеховский дар» Александру Кирову. За ответ чеховской улыбки.

Кое-что однако Киров договорил такое, что у Чехова представить себе невозможно.

«Это что получается? Скобари, люмпены вырезали и затерли цвет интеллигенции, а потом и слово это наполнили ругательным смыслом?»

Такого Чехов не диагностировал.

«С чего все началось? Не знаю, не застал. Когда созидать определенные идеи запретили и пара миллионов „утонченных эстетов“ осталась не у дел, тогда все и началось. Тогда и началась сублимация... подмена культурного строения культурным блянием и... прочее».

Может, хорошо, что Чехов не застал этого бляения?

«Мастера церкви строят. Купцы мастеров поят. Мастера топоры швыряют. Народ топоры подбирает. Топорами купцов зарубает. Церкви взрывает. Сам вымирает, церкви остаются. Стоят и... с укором смотрят. И все это вписывает „в культурную тенденцию“ так называемая интеллигенция... А с народом все точно то же самое... Говорить о том, что правители этот народ не любят – опять неправильно. Это сам себя народ не любит. Сам себя народ изживает...»

Нет такого у Чехова.

Но ведь и история хорошо потрудились за тот век, которого он не увидел.

ЛЮБОВЬ, СМЕРТЬ И ПАРА БОРДОВЫХ ШЕРСТЯНЫХ НОСКОВ

Троянос Деллас

1

Алик Чекушин выдержал значительную паузу, поднял пластмассовый стаканчик и произнес тост:

– За успех и величие непревзойденного Отто и его могучей футбольной армии!

– Ура! – вторили ему собутыльники.

– В знак моего глубокого уважения к тренерскому таланту человека, дважды за две недели опрокинувшего на обе лопатки спесь и тщеславие в сильной оболочке португальского образа-марионетки, дергаемого за ниточки опытным паяцем-кукловодом Сколлари, прошу с этого момента и до конца дней моих именовать меня – Троянос Деллас. Пусть это станет также данью моего уважения к могучему защитнику, не допустившему почти никого из врагов Эллады к ее воро-

там!

Деллас, Фунтик и Винт опрокинули внутрь себя пластмассовые стаканчики, на одну треть наполненные разведенной водой убийственной смесью, именуемой в народе «Троя» и имеющей назначение – «лосьон для лица и тела».

Экран старого телевизора «Рекорд», стоявшего на выдвинутом всякие виды табурете в сторожке пилорамы под деревни Астафьево, показал, как юный самовлюбленный Криштиано Роналду заплакал, сорвал с шеи серебряную медаль и швырнул ее на зеленый газон. Он был совсем еще молодой, но уже испорченный славой мальчик, и ему нужно было золото, только золото. О, черта, именуемая спортивными специалистами почему-то «характером победителя»!

2

Никто отчетливо и внятно не помнил, когда именно появился в Астафьево молодой странноватый человек, которого звали Олег Иванович Алексеев.

– Уже само имя вашего учителя, – говаривал он ученикам своим, – свидетельствует о разнообразии его... моего генетического характера...

Они слушали, кивали, не понимая абсолютно ничего из речи историка, но чувствуя в ней достаточно сильную концептуальную уверенность и убедительность.

«Особенно здесь, в этой глубинке, давшей детство (судя по всему не очень счастливое) прадеду великого русского писателя, удручает нежелание жителей, даже маленьких, воспринимать и усваивать новое...» – писал он старшему брату, реаниматологу областной больницы, доценту медицинского университета.

«А что ты хочешь? – отвечал ему брат. – Прошлой ночью на моем дежурстве привезли несколько человек с одним и тем же диагнозом... Трое умерли. А ведь дело-то было за малым. Перед тем, как пить „Жень-Шень“ или „Трою“, опрокинуть пятьдесят – всего лишь! – грамм этилового спирта. Как элементарное противоядие!»

«Еще меня удручает, – продолжал он, – твое непонятное упрямство, из-за которого ты уехал в глубокую провинцию, куда я даже не представляю, как добираться, живешь там, мнишь себя Толстым и не понимаешь, что, во-первых, время Льва Николаевича прошло, во-вторых, его попытки привить идеи буддизма к русскому характеру весьма и весьма спорны...»

«Сообщаю, – заканчивал он, – что еду в Норвегию, пока в командировку, а дальше – видно будет. Постараюсь создать там почву и для твоего переезда...»

Письмо это Алексеев порвал и выбросил, вырезав из него

и припрятав маленький клочок бумаги. Брату не отвечал.

4

А через несколько сентябрей после этого письма, когда четвертый класс школы закончили мальчик и девочка, и уехали в город, когда во втором и в третьем классах не осталось никого (в город подались родители), а в первый пришли несколько детей, страшно похожих друг на друга: с низкими лбами, раскосыми глазами и ниточками слюны, тянущимися с нижней губы, – Алексеев развел их обратно по домам, вернулся и наглухо забил гнилыми досками двери и окна одноэтажного дома, сорвав заодно с него табличку «Школа». А потом с чемоданчиком в руках двинул в сторону пилорамы на отшибе деревни.

Алексеев шел и бубнил себе под нос:

Без умолку безумная девица

Кричала: «Ясно вижу Трою павшей в прах!»

Но ясновидцев – впрочем, как и очевидцев –

Во все века сжигали люди на кострах...

5

Не дойдя до пилорамы метров сто, а может быть, двести,

Алексеев остановился, увидев себе подобного, движущегося по направлению к тому же объекту со стороны противоположной. Это был инженер сельхозпредприятия Берроуз, который шел с таким же, как и он, Алексеев, чемоданчиком.

Не здороваясь вслух, они крепко пожали друг другу руки.

– ???

– Трактор встал. Последний. Наглухо. Движок сперли.

6

Хозяин пилорамы, которого все называли Мирза, принял двух представителей интеллигентной прослойки не очень дружелюбно и достаточно насмешливо:

– Кого я вижу! Кого я вижу! Как хорошо, что школу и ПТУ я уже закончил! Поэтому не послать ли мне вас обоих сразу и в три слова, куда поезда не ездют?

Двое угрюмо засопели, а Мирза задумался. Выгнать их было недолго. Но станкам обслуга нужна да и бумаги всякие... А доверять нельзя. Надо бы приручить их малость, на поводок взять...

Вытерев потный череп расшитым полотенцем (оно взялось у него оттуда же, откуда и новый тракторный движок), Мирза помял-пощупал сидящих красноватыми навывкате глазами, отчего двое немедленно встали, и сказал:

– В сторожку. Без зарплаты. За кормежку и одежду.

Тут Мирза крикнул от удовольствия, предположив нали-

чие внутренней рифмы в последней фразе.

– Складно получилось? – спросил он, придавив взглядом Алексеева.

Тот посмотрел на Берроуза и ответил:

– Складно.

7

Вскарабкавшись по шаткой, хоть и металлической, лестничке в сторожку, которая представляла собой ржавый ветхий вагон, они оказались окутанными тлетворным запахом вчерашнего перегара и человека, спящего в «берцах» и сиреневых, вытертых, как сам вагончик, трико на кровати у двери. Еще две пустовали, застеленные грязными одеялами, увенчанные засаленными подушками, что создавало сходство с коечками в какой-нибудь палате онкологической клиники, наполняющейся новыми пациентами.

Алексеев и Берроуз осторожно уселись на одну из кроватей, пружинный матрас которой немедленно продавился до пола. Раздался скрип, который напоминал скорее рев раненого мамонта, чем скрежет металла. Пока сидящие оглядывались, отметив из достопримечательностей сторожки черно-белый телевизор, стоящий на неопрятном табурете, абориген в трико проснулся, закашлялся и приготовился уже было смачно сплюнуть на пол, но увидел людей и с отвращением воздержался. Потом он сел на кровати, показав при-

сутствующим торс, по которому смело можно было изучать определенный раздел анатомии, и обратился к ним с очень простым вопросом:

– А вы кто?

– Алексеев, можно Олег.

– Берроуз, инженер. Кандидат технических наук. Защищал диссертацию...

– А-а...

Человек подошел к столу и с отвращением попил из банки с треснувшей стенкой, наверное, теплой воды. Вернулся на кровать, чихнул и тоже представился:

– Фунт.

Подумав, добавил:

– Можно просто – Фунтик.

Хотел еще что-то сказать, но, почесав косматый затылок, только кивнул.

– А вы почему спите на самой неудобно расположенной по отношению к выходу кровати? – деликатно поинтересовался Берроуз.

Фунт ответил просто:

– А на остальных помирают все. Быстро как-то. Да и до дверей ближе, если что.

Нельзя сказать, чтобы Алексеева и Берроуза ответ этот обрадовал или воодушевил.

В местечковом магазинчике на полках из спиртного были только чекушки с водкой. Стояли они там для приличия – две штуки, одна с красной этикеткой, другая с синей. Под прилавком аналогов им не было, на складе же имелось еще штук тридцать. Выставленные напоказ чекушки покрылись от не востребоваемости толстым слоем пыли. Этикетки их выцвели от времени, отчего жидкость внутри тары казалось омерзительной.

Однако при этом Астафьево было, наверное, одной из самых пьющих деревень в мире. Не было дома, двора, где утро обходилось бы без снятия похмелья народным способом хотя бы одним из хозяев или постояльцев.

Особой популярностью здесь пользовался ветхий дом на окраине. Дом – не дом... Халупа какая-то.

В один пасмурный день лет за пять до событий, которые автор пытается здесь описать, Мирза привез в этот сарай какого-то безликого, безвозрастного и бесполого человека, которого назвал при всех – Тугрик. А через некоторое время окраина стала самым людным в деревне местом, потому что Тугрик, вселившись, немедленно стал торговать – спиртом.

Спирт он продавал бутылками и литровыми банками, баночками из-под детского питания и столовыми ложками круглые сутки. Здесь выяснилась одна отличительная черта

Тугрика – он мог не спать вообще. По крайней мере, кто бы из сельчан когда бы ни постучался в калитку (далее калитки хозяин не пускал, двор сторожила здоровенная немецкая овчарка Гитлер), ровно через тридцать секунд (чувство времени у людей, жаждущих опохмелиться, развито удивительно) равнодушное лицо хозяина возникало перед страдальцем. Тугрик не здоровался и не говорил «до свидания». В его речи бытовали слова: «сколько», «да», «нет», «еще раз нет» и для особо наглых – «Гитлер, фас». Впрочем, последняя фраза, употребленная Тугриком с десятком раз в начале его жизни здесь, с тех пор больше не повторялась...

Но вернемся в магазин.

Толстая продавщица, которую звали Тоней, однажды была искренне удивлена. В магазин явился учитель Алексеев и скупил все чекушки (числом тридцать две). А когда Тоня узнала, что Алексеев учителем больше не работает и, следовательно, бояться его нечего (а учителей-то немолодая бывшая второгодница по привычке побаивалась), она и закричала: «Олег Александрович! Олег! Алик! Алкаш! Чекушки! Чекушин Алик! Алик Чекушин!!!» – и кричала эту фразу до тех пор, пока Алексеева не стала так называть вся деревня. Называли месяц. Пальцем тыкали, особенно бывшие ученики. А потом забыли...

Однако у автора есть свое мнение на этот счет. Пусть Алексеев остается Алексеевым.

Так вот и оказались в сторожке пилорамы трое. Что касается обстоятельств жизни Фунтика, то, как ни расспрашивали его Берроуз и Алексеев, какие предположения ни выдвигали, – тщетно. Он ничего не мог вспомнить о своем прошлом. Был он доброжелателен, предельно искренен, предупредителен в поступках (когда ему хотелось смачно чихнуть или кашлянуть, он всегда сдавленным голосом спрашивал сначала разрешения у соседей). Портила его привычка каждый вечер, часам к десяти, напиваться до бессознательного состояния, в котором его и застали Берроуз с Алексеевым при встрече.

Однако, как выяснилось далее, Фунтик обладал недюжинным педагогическим талантом...

Обычный порядок дел в сторожке был следующий.

Начнем с того, что сторожить пилораму от внешних врагов было не нужно. Мужики пилили лес круглосуточно и забивали до полусмерти (умирать отправляли в больницу) всякого, кто посягал на их территорию. Таковых после пяти-шести случаев летального исхода среди населения не находилось. Да и тех, кто жил в Астафьеве и не работал на пилораме, становилось все меньше: женщины, старики, дети, а также сумасшедшие и доходящие от пьянства мужики и парни.

Сторожить пилораму нужно было от врагов внутренних. Обозленные от безденежья рабочие тащили поначалу домой все, что попадалось под руку. Воровали на пропой. Но эта тенденция была остановлена достаточно быстро. Ценные вещи можно было принести к Тугрику и обменять на спирт. Поначалу. Затем у последнего был разговор с Мирзой. После этого разговора Тугрик стал записывать, кто и с чем пришел. В его лексиконе появились слова: «фамилия», «имя», «откуда».

Первых из проворовавшихся постигла такая судьба. Среди бела дня у пилорамы остановилась иномарка, из которой вылез Мирза и с ним крупные парни. Рабочих выстроили в шеренгу. Мирза громко назвал четыре фамилии. Мужики дружно сделали шаг вперед. Мирза спросил у водителя, сколько человек влезет в машину, услышав ответ, ткнул пальцем во второго и четвертого. «Джип» уехал, и вместе с ним уехала память о двух сгинувших людях. Жена одного из них ходила в город, пыталась что-то там узнать, а когда вернулась, увидела пепелище вместо своего дома. Поплакала и пошла... к Мирзе. Устраиваться на пилораму. Это была первая там женщина-работница.

Следовательно, и от врагов внутренних сторожить пилораму было не нужно (ну если только чуть-чуть). Тогда от кого? Или от чего? Какого места боялись ее окаянные хозяева? (как хорошо, что это всего лишь несовершенный плод авторского воображения и в жизни таких людей не бывает!

ну или почти не бывает! или уж не все такие!)

Пожара.

Принимая Алексеева и Берроуза на работу, Мирза сказал:

– Так... (женщины легкого поведения)... пить пейте. Но если проверю и найду, что все трое спят, не проснетесь вообще.

Берроуз попытался робко возразить:

– Так ведь мы почти не пьющие.

Мирза пожал плечами:

– Ну, так будете сильно пьющими. Однозначно.

Те про себя хмыкнули и не поверили.

...А педагогический талант Фунтика состоял в следующем. Он, кстати, и обусловил порядок дел в сторожке. Обычно Алексеев и Берроуз с утра находили себе занятие в том, что укоризненно наблюдали за Фунтиком, а вернее, за последовательным в своей противоречивости развитием похмельного синдрома.

Фунт просыпался явно раньше их и явно куда-то за чем-то бегал, потому что, проснувшись, они заставляли его тело, окутанное перегаровым облаком, осязательным почти до созерцательности. Тело постепенно просыпалось, мелко дрожало и обливалось холодным потом. Затем начинало суетиться, юлить, шнырять по пилораме, но, всеми гонимое (сторожа были здесь на нижней ступени пилорамной иерархии), оно, иногда побитое и буквально скулящее, возвращалось в сторожку.

– Не налили? – язвительно спрашивал Берроуз.

– Не-а.

Проходило где-то полчаса фунтячьего деликатного покашливания и почихивания. Затем раздавалась одна и та же фраза:

– Мужики, а мужики...

Алексеев вздыхал и полз в карман за мелочью по четным дням, Берроуз по нечетным.

Сбегав куда-то, Фунт преображался. Нет, он не становился омерзительно словоохотливым, не бил себя пяткой в грудь и не трепался о былых проступках, вознося их до подвига... С ним просто можно было нормально общаться.

И вот как-то раз Алексеев, отправившись за молоком к бабке Нюре (сбережений на молоко и оздоровление Фунта пока хватало), задержался долее обычного. Он около двух часов наблюдал неповторимый закат на реке Свидь, которая возле Астафьева вымывала из берегов разлапистые корявые корни берез и осин. В лучах заходящего солнца зрелище это было достойно кисти художника...

Так вот. Вернувшись в сторожку, Алексеев мог наблюдать следующую картину. На койке у дверей был в наличии временно мертвый Фунтик в той же позе, в которой Алексеев увидел его в первый раз. А на следующей – такой же Берроуз.

Алексеев посмотрел на них, подумал о чем-то, что-то решил, да и пошел к продавщице Тоне.

Одно нужно отметить. В запой Алексеев ушел грамот-

но. Чекушки, купленные в магазине на все оставшиеся у него деньги, шли строго по назначению – для профилактики отравления техническим спиртом. Ну и для оказания первой медицинской помощи. Попросту, проснувшись в пять утра, трое выпивали по 83,33... грамма водки, которые делили по «булям», а потом уже вместе изыскивали средства для похода к Тугрику за весьма и весьма сомнительного качества спиртом.

И то, что для Алексеева и Берроуза было поначалу смешной, глупой и нелепой игрой, вытеснило вскоре все или почти все.

Надо сказать, что Алексеев, чувствуя, что что-то в нем меняется и что-то с ним происходит, попытался даже вести дневник. И даже попытался придать ему художественную форму.

10

«Когда пьет мой троюродный брат Мишка и занимает у меня полтинники, понятно. Год на войне, на передовой. Шальная пуля отскакивает от бронежилета, выбивает передние зубы, свои своих бомбят, рукопашные с вахаббитами... Дома Андрей Первозванный, мать-алкоголичка, подруга, которая вдруг становится беременной женой, кстати, любимой. Боевые деньги и не боевые друзья, пропивающие боевые деньги. Авитаминоз, менингит, долбят черепушку, а тут

мать умирает (убили, кажется, по пьяни) – Мишка выздоравливает. Осложнение. Глухота. Ладно, хоть дураком не остался. Нищета. Инвалидность.

Когда пьет мой троюродный брат Мишка и занимает у меня полтинники, понятно.

Почему я пью? Да хрен его знает.

Когда пьет рыжий бестия Женька из Вологды, понятно. Шоуменский темперамент. Баб – валом. Обаяние суворовца. Потенция Приапа. Жена-красавица, которую „из дерьма поднял“. Наследство от отчима – 100 000 000 (старыми). Новая страстишка – игровые автоматы, потом покер, потом – рулетка. „Не за то батюшка бил, что играл, а за то, что отыгрывался“. Бабки просадил, играл на себя – выигрывал, потом эти деньги снова проигрывал. В перерывах – стопочки. Халупа в „тайвани“. Соседка-спиртовозка. Паленая водка. Дает займы. Жена ушла, потом пришла, потом снова ушла, потом снова пришла. Детей нет – аборты в 17 лет иногда имеют плохие последствия. Другая жизнь хуже кефира с бодуна.

Когда пьет рыжий бестия Женька из Вологды, понятно.

Почему я пью? Да хрен его знает.

Когда пьет Кузя, понятно. Наследственность. Батя-покойничек по синьке фрицев искал (в войну родился), брат бухает, жена брата бухает, дочь жены брата от первого брака бухает. Школа, фантастическая литература, увлечение английским, пиво, дискотеки, девочки. Рижское военно-авиационное. Отчисление после первого курса. Армия. Пилорамы.

Мягкий характер. Свободная хата – дом родителей. Известность и популярность среди местной молодежи. Застолья с друзьями – лидерами по натуре: „Кузя, изобрази!“ – „Боже, царя храни!..“ Первый запой. Забрали в милицию. Второй запой. Выгнали с работы. Третий запой. Первое кодированье. Лимонад. „До дня рождения А. С. Пушкина осталось 364 дня“. Первый запой после первого кодирования. Второй запой после первого кодирования. Второе кодированье. Помер отец. Первый запой после второго кодирования. Второй запой после второго кодирования. Умерла жена брата. Временное просветление. Первый запой после временного просветления после двух запоев после второго кодирования. Вещи продает. Бредит одноклассником, который на зоне авторитет. Визгливый бабий во хмелю или загробный суицидальный с похмелья голос. Нет динамики роста и нет динамики ухудшения. Мать-литератор с иссохшим лицом. Друзья не здороваются и десяток больше не дают...

Когда пьет Кузя, понятно.

Почему я пью? Да хрен его знает.

Когда пьет Дмитрич, понятно. Безотцовщина. Мать-фронтоничка – женщина с сильным характером. Книжки. Умные тусовки со спиртным. Спиртное с умными тусовками. Шестое чувство. Битлз. Girl. Стругацкие. Ефремов (писатель). Пелевин. Брэдбери. Хайнлайн. Дверь в лето. Стивен Кинг. Мертвая зона. Мизери. Фэнтези. Хиппи. Любовь к людям. Уроки с анекдотами и гитарой, гитара и анекдоты с уро-

ками. Добрая чистая душа. Девяностые. Митинги. Рокеры в кочегарках, кочегарки с рокерами, кочегарки с кочегарками, кочегарим без кочегарок. Выгнали с работы. Кодированье. Воскрешение. Зарботки в Московской области. Стырили бабки. Свои и чужие. Попытка суицида.

Когда пьет Дмитрич, понятно.

Почему я пью? Да хрен его знает. Но Дмитрич понимает и не осуждает.

Когда пьет бывший одноклассник Ромка, понятно.

Под партой лужа мутной слюны. В туалете хапчики „Примы“. „А почему вы с сестрой не похожи?“ – „Так у нас мама одна, а папы разные“. Друганы. Футбол, но только в школе. Порнушные карты. Спирт с лимонадом на школьной дискотеке. Гопа. Байки Шуры Каретного. Сектор Газа. Армия – после двадцати, на Дальнем Востоке и не в элитных войсках из-за „условки“. Гауптвахта с самогонкой по соломинке. Песни в камере. Дембель, плавно перерастающий в хрюндель. Кодированье. Четыре месяца. Хрюндель 2 + жлобство * хамство. „Спорим, я тебе набью морду с первого раза?“ „Шура! Наше Вам с кисточкой!“ „Уважаю!“ „За что и умер!“ „Александр!“

Когда пьет бывший одноклассник Ромка, понятно.

Почему я пью? Да хрен его знает...»

11

Однако, проснувшись как-то раз ранее других и перечитав написанное за несколько недель, Алексеев понял, что более тяготеет к летописному жанру, что у него слишком панибратские отношения с языком и стилем, что он – не Булгаков, и дневник отложил. Сжигать не стал, подумав, что эта рукопись может и сгореть, а все-таки ее жаль, потому что хоть и «хреновое», но откровение, хоть и «паскудная», но исповедь...

12

Трое лежали в темноте, уже опохмелившись, но еще только осознавая перспективу прожить новый день. Разговаривали.

– Мужики! Вот вы чем примечательны на свете... были?

– Я любую картосхему с фотографической точностью запомнить могу. Раз увидел, и все. Еще вирусы лечить умею и писать. Такие, что не найти никаким «Касперским». Еще антропологией увлекался. Историю народов знаю. Характеры национальные.

– Я читал много. Три языка знаю. Учить люблю. Память у меня тоже почти абсолютная. Страницу текста вдумчиво

прочитаешь и помнишь. Ну, стихи я еще пишу...

– Почитай!

– Почитай, я прошу!

...а сердце когда-то было нормальным

И выдавало в минуту ударов

Сколько положено, столько и нужно,

Но этого мало, этого мало...

– Дьявол... Забыл. А ты сам-то что умеешь?

– Я? Я, мужики, выживать умею.

13

Беда пришла неожиданно – в образе Мирзы и двух его дуболомов. А дело было так.

Пили сторожа вахтенным способом. Один из троих был «кодированный», то есть, пока остальные глушили спирт, он довольствовался водой. Через восемь часов его место, проспавшись, занимал следующий.

И вот, когда «кодированный» Фунтик тупо таращил глаза в зажигающийся рассвет, сидя у входа в вагончик, а товарищи его спали мертвым сном, по плечу Фунтика кто-то хлопнул. Сторож встрепенулся. Перед ним стоял «хитрый чурбан» (так называли Мирзу на пилораме).

– Спишь, падла? – недобро поинтересовался Мирза и кив-

нул одному из двух «братьев-акробатов», которые сопровождали его повсюду.

Тот сделал неуправляемое движение ногой, и Фунт рухнул на опилки, выкашливая красное. Однако последний был скорее рад, чем огорчен, потому что знал, что если бы Мирза кивнул второму «акробату», он, Фунт, не кашлял бы сейчас кровью, а лежал бы и молчал с дыркой в башке. Такова была специализация братьев Сидоровых: первый – костолом, второй – мокрушник. Кто из них двоих старше, Старшой и Малой, похожие как две капли воды, на самом деле не знали. Кто-то подобрал их в свое время в детском доме, научил заплечным делам и подарил Мирзе...

Через минуту в опилке лежали еще не проснувшиеся, но уже понявшие что к чему Берроуз и Алексеев.

– Ну вы, суки... – начал заводиться Мирза.

Но этой мерзкой сцене предшествовали два довольно растянутых во времени события, на которых стоит остановиться сейчас подробнее.

14

Первому из них предшествовало появление на пилораме Нобеля, продувного мужика лет сорока, жирного, усатого, какого-то бледного и одутловатого. Нобель был из той категории людей, про которых принято говорить – барыги. Но барыга этот был на редкость обаятельным.

Нобель сразу после своего появления (до пилорамы он был то ли кладовщиком, то ли бухгалтером в совхозе) окружил себя романтическим ореолом. Этому способствовала появившаяся вместе с ним гитара.

Обычно во время обеденного перерыва или вечером у костра, тяпнув стаканчик разбавленного спирта, он брал инструмент... И начиналось:

Владимирский централ —
ветер северный...

Мужики в сладкой истоме подпевали после очередного куплета:

...но не очко обычно губит,
а к одиннадцати туз...

Каждый из них мнил себя в этот момент настолько крутым авторитетом, что Мирза, хозяин, был в сравнении с этим образом просто мелкой сошкой.

У Нобеля водились деньги, и этого обстоятельства было достаточно, чтобы вокруг него «сплотился» средних размеров коллектив. Фунтик некоторое время терся около них, но его турнули, не выразив абсолютно никакого доверия и симпатии. Люди в «нобелевском комитете» собрались не последние: пилоточ, два десятника, фрезеровщик. Компания эта с интересом посматривала на Алексеева с Берроузом,

приглашала их на чаек, но Фунтик, имеющий в коллективе сторожей функцию неофициального консультанта по житейским вопросам, сказал по этому поводу:

– Не фиг вам там делать.

– Ты обиделся на них просто, – предположил Берроуз.

Фунтик на этих словах хмыкнул и недобро закивал.

– Да ладно, – вдруг поддержал Фунта Алексеев. – Нобель и вправду гнусный тип. От него мертвечиной за версту разит.

– Кариес просто, – вновь предположил Берроуз, но вдруг сам себе удивился. – Да что я его защищаю? Черт с ним.

Как бы между прочим отметим, что «комитет» этот «нобелевский» стал быстро разрастаться, и к нему примкнули несколько не блещущих интеллектом и моральными достоинствами, но достаточно мощных физически мужиков.

15

Следует отметить как второе важное событие, что наш Фунтик, кажется, влюбился.

Когда Верка появилась на пилораме, мужики сглотнули слюну. Тем более что заступиться за Верку было некому. Ее мужа, скорее всего, убили за то, что воровал на пилораме, дом сожгли...

Она была не то чтобы красива, она была, может быть, даже вульгарна, но в ней чувствовалась душа. И этого обстоятельства было достаточно, чтобы к ней потянулись мужики.

Первым решил попробовать счастья Нобель и кошачьей походкой покрался в сторожку, где она отдельно ото всех обедала. Сторожа на это время деликатно уходили гулять по участку.

Вернулся Нобель через полчаса. Уходил он под гнусное подмигивание и подначивание, да и сам отчетливо бубнил: «Ща я ее уделаю!» А когда вернулся, сказал просто:

– Кто к ней сунется, задавлю.

Ему не то, чтобы поверили, но к Вере больше никто из мужиков не лез. Она была закреплена за Нобелем.

А при чем здесь Фунтик?

Фунтик влюбился в Веру с первого взгляда.

Естественно, он знал такое слово – «любовь», но только на слух. И не пытаясь дать слову этому определения, скажем лишь, как вел себя Фунтик в ситуации типа «любовный треугольник». А вел он себя мудро. Во-первых, не сводил с Веры глаз. А во-вторых, набрался терпения и стал ждать.

Мирза назначил Веру учетчицей. Был у хозяина перед ней должок морального плана, настолько весомый, что даже он чувствовал что-то вроде угрызений совести. Муж Веркин прослужил около десяти дней боксерской грушей в «пионерском лагере» дуболомов, которых заслали в окрестные леса на месяц для спецподготовки и повышения уровня квалификации аж из области, а может, и выше. Об этом даже он, Мирза, не знал.

Да, а мужа Веркиного, вернее, что от него осталось, акку-

ратно в лесу и зарыли. Без гроба только.

16

– Я п-последний раз повторяю свой вопрос! Кто систематически воровал с пилорамы пиломатериал?

Б-бу-бух!

Их держали в камере третьи сутки. Держали, кажется, лишь для острастки и в надежде, что они хоть что-то знают. А в то, что ничего глобального им не известно, Мирза, наверное, поверил еще у сторожки, когда их троих страшно избили, когда один из «акробатов», Старшой (мокрушник), снял со спины пистолет, заставил Алексеева взять ствол в рот и, сосчитав до десяти, нажал спусковой крючок. Механический щелчок откликнулся тупой болью в голове последнего. Берроуз был в ступоре, Фунт бледен как сама смерть и то ли сжат пружиной, то ли парализован страхом.

– В камеру! – властно распорядился Мирза.

А потом их трое суток тупо допрашивал пьяный участковый, неумело постукивая дубинкой по почкам, промахиваясь, уродуя позвоночник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.